

Бахревский Евгений Владиславович*, старший научный сотрудник Центра исследований проблем стран ближнего зарубежья РИСИ, кандидат филологических наук.

Этническая пестрота и цивилизационное единство: опыт Ирана¹

Книга доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой иранистики Ереванского государственного университета, главного редактора журнала "Iran and the Caucasus" Гарника Асатряна посвящена проблеме этнического самосознания, взаимосвязи этнических явлений и факторов с социальными, институциональными и цивилизационными явлениями, которая затрагивает все области современного гуманитарного знания и имеет тесную связь с актуальными политическими мировыми процессами.

Роль этнического фактора в последние десятилетия имеет тенденцию к постоянному росту. Известно, что переписи населения современной России, например, фиксируют больше "национальностей", чем их было во всём СССР в 1989 г. Это обстоятельство можно объяснить особенностями законодательства РФ, позволяющего гражданам произвольно указывать (или не указывать) свою этническую принадлежность. В то же время этническое самосознание приобретает всё больший вес не только в постсоветских странах, но и по всему миру. Необходимость тщательного и всестороннего изучения этих процессов является насущной необходимостью, в особенности для стран с этнически пёстрым населением.

Книга является сокращённой русской версией заметок автора для семинаров по иранской этнологии, проведённых им на факультете востоковедения Ереванского государственного университета.

Иран, безусловно, относится к странам "имперского" типа со сложной этнической структурой. При этом его государственный строй не предполагает специального выделения и учёта этничности населения и предпочитает оперировать такими критериями, как конфессиональная принадлежность своих граждан. При этом этнические права иранцев различной этнической или региональной самоидентификации защищены законами ИРИ. Система обеспечения прав народов в Иране решена оригинальным способом и не имеет аналогов в мире.

Сложившаяся ситуация не может не провоцировать внешних игроков на раскручивание националистических и сепаратистских движений

* kamlay@mail.ru.

¹ Рецензия на книгу: *Асатрян Г. Этническая композиция Ирана. От "Арийского простора" до Азербайджанского мифа* / Гарник Асатрян ; отв. ред. А. Арешев ; Ереванский гос. ун-т. Ереван : Кавказский центр иранистики, 2012. 130 с.

в Иране. Тем более что значительная часть иранских этносов является в той или иной степени "разделёнными народами": это азербайджанцы, курды, белуджи, арабы, талыши, туркмены, таты.

Г. Асатрян в своей книге тонко и ярко рисует систему взаимоотношений этнических и конфессиональных групп с государством и цивилизационной общностью Ирана. Наиболее интересным и важным тезисом автора, хотя и далеко не бесспорным с точки зрения большинства востоковедов, является утверждение, что в Иране, по сути, нет титульной нации. Государственный язык страны – персидский, в связи с чем у сторонних наблюдателей создаётся впечатление, что в Иране большинством населения должны являться персы. При этом в мировых СМИ, а также в аналитических работах регулярно повторяется утверждение, что персов в Иране – 51 %, а 49 %, стало быть, – этнические меньшинства, которые вроде бы обязаны стремиться к освобождению от "персидского ига".

Г. Асатрян утверждает, что "ни один из иранцев персом себя никогда не называл: фраза *man fārsam* ("я – перс") просто лишена смысла". Если под персами подразумевать жителей области Фарс, то их всего около 4 млн человек (среди 70 с лишним миллионов населения современного Ирана). Язык фарси является литературным койне, связывающим в единый культурный и цивилизационный коллектив разнообразные ираноязычные этносы (гилянцев, талышей, мазендаранцев, луров, семнанцев, татов, гуран и пр., включая белуджей и курдов), а также тюркоязычное и арабоязычное население Ирана². "Языки гиланцев, талышей, мазендаранцев, семнанцев, южно-татских общин, гуран, жителей Башагарда и приморья Персидского залива, целых ареалов в провинции Исфахан в Центральном Иране и т.д. в не меньшей степени отличаются от персидского, чем курдский и белуджский... При этом степень владения персидским и употребления его в общественной жизни у всех носителей перечисленных диалектов одинакова"³.

Автор показывает, что в Иране имеет место смешанная и многоуровневая самоидентификация: люди определяют свою принадлежность по месту жительства, по религии либо по племени. "Национальное" самосознание иранским "меньшинствам" усердно прививается извне. При этом "локальные, земляческие сантименты, как и "национальные" чувства, в той или иной степени присущи всем... группам, однако характеризуются они в зависимости от политической конъюнктуры по-разному: скажем, что для бахтияра или мазендаранца – местничество, для курда, белуджа и "азербайджанца" – борьба за независимость"⁴.

Г. Асатрян настаивает на том, что самоидентификация "иранец" – отнюдь не искусственный ярлык, привитый насильственно или посредством пропаганды, а естественное выражение чувства принадлежности к единому народу. Именно поэтому принятое в Иране определение населения по религиозному принципу, а не по этническому, является не выражением злого политического умысла властей, а следствием адекватного подхода к предмету. По утверждению автора, "по сути, нет более глупого определения сегодняшнего Ирана, чем утверждение о "многонациональности"

² Асатрян Г. Указ. соч. С. 31.

³ Там же. С. 46–47.

⁴ Там же. С. 48.

этого государства"⁵. Как представляется, такая позиция выражает чрезмерно идеалистический взгляд на сложную этнополитическую ситуацию в Иране.

Этнического учёта здесь принципиально не ведётся, опросы населения с указанием языковой принадлежности проводятся крайне редко и бессистемно, поэтому выявить реальную численность и ареал расселения того или иного иранского меньшинства представляется весьма затруднительным. Эта ситуация оказывается очень удобной для конструирования разнообразных мифов о тех или иных этнических меньшинствах Ирана.

Автор подробно останавливается на ситуации вокруг некоторых этнических групп, прежде всего – азербайджанцев, а также татов, курдов, белуджей, гуранов и хузистанских арабов. Численность курдов в Иране Г. Асатрян определяет в 4 млн (по другим данным, их более 6 млн)⁶. Из них автор вычленяет гуранов, доказывая, что, несмотря на претензии курдских националистов, это отдельный народ, никоим образом не идентифицирующий себя с курдами. Гураны – крупная и уникальная этническая группа, о которой даже в ИРИ мало кто знает⁷. Арабов, вернее представителей арабоязычных этнических групп, в Иране Г. Асатрян насчитывает не более 1 млн человек. Их сепаратистский потенциал он оценивает как крайне незначительный⁸.

Больше всего места среди этнических групп Ирана в книге отведено азербайджанцам (более 35 страниц). Основываясь на косвенных показателях и очень приблизительных оценках, автор определяет их численность в 5,5 млн человек (в трудах авторов пантюркистской направленности либо приверженцев идеи "единого Азербайджана" обычно называются цифры в 20 или 30 млн). Причины особого отношения автора к азербайджанскому вопросу понятны, однако следует признать, что при рассмотрении этой темы он демонстрирует чрезмерную пристрастность, стиль полемики из научного превращается в почти идеологический. При этом с общим выводом о неадекватном восприятии и преувеличенных ожиданиях пантюркистов, связанных с иранскими азербайджанцами, нельзя не согласиться. Однако ряд утверждений автора (в которых он, например, отрицает наличие всякого потенциала у азербайджанского сепаратизма)⁹ кажется нам преувеличением, связанным с нежеланием замечать некоторые тревожные явления.

В заключении Г. Асатрян делает вывод, что многие этнолингвистические и демографические клише, понятия и термины в отношении Ирана либо вообще неприменимы, либо могут употребляться с большими оговорками и уточнениями. Понятия "большинство" и "меньшинство" в Иране приобретают в высшей степени условный характер. Понять этнические процессы в этой стране можно, лишь осознав логику его населения, видящего своё государство как "совокупность территорий, данную Богом, пространство почти сакральное, не подлежащее оспариванию"¹⁰.

⁵ Асатрян Г. Указ. соч. С. 49.

⁶ Там же. С. 98.

⁷ Там же. С. 118.

⁸ Там же. С. 120.

⁹ Там же. С. 77–79.

¹⁰ Там же. С. 127.

В целом картина этнической композиции Ирана нарисована в высшей степени интересно и живо, книга читается легко. Невольно испытываешь некую зависть к студентам, слушающим полный курс этнологии Ирана у такого преподавателя.

В то же время хотелось бы высказать некоторые соображения относительно общих выводов автора.

Этническая ситуация в Иране, как он её изображает, имеет много аналогий с ситуацией в соседней Турции. Это естественно, так как две страны находятся в пределах одной суперэтнической общности – так называемой евразийской исламской цивилизации. На стыке двух стран, в областях, населённых курдами, азербайджанцами и другими народами, на самом деле, невозможно провести какую-либо чёткую этническую границу. В Турции мы также можем зафиксировать огромную роль религиозного, регионального и племенного факторов в самоидентификации населения, при этом там тоже крайне важна и устойчива имеющая сакральный оттенок идея общей государственности. Механизмы взаимодействия этнического фактора и государственности, описанные Г. Асатрянном для Ирана, очень напоминают турецкие реалии (а если вспомнить этническую ситуацию в Османской империи до её развала, то это сходство будет ещё больше).

Традиционный этноконфессиональный уклад и соответствующая ему этническая самоидентификация населения не уберегли Османскую империю от проникновения внешних и формирования местных националистических идеологий как в мусульманской, так и в христианской средах. За этим последовал развал империи по этническому признаку в результате проигрыша Турции в Первой мировой войне. Ядро Османской империи сохранилось в виде Республики Турции, которая по-прежнему является крайне пёстрой с этнической точки зрения страной. При этом современные реалии Турции в вопросах, связанных с национализмом, как турецким, так и в среде национальных меньшинств, совсем не напоминают иранскую ситуацию.

На наш взгляд, это говорит о том, что при наличии сильных внешних факторов, целенаправленно воздействующих на самосознание этноса, его характеристики могут достаточно быстро и радикально измениться и приобрести совершенно иную структуру. Националистические идеологии для иранских азербайджанцев, курдов, белуджей давно сконструированы, причём в Иране имеется не так уж мало их приверженцев. Против исторического цивилизационного единства Ирана его идеологические противники работают не покладая рук. Далеко не очевидно, что в кризисной ситуации традиционные институты этнической саморегуляции иранского общества выдержат удар, а концептуальные подходы руководства в вопросах этнической политики окажутся действенными.

Возвращаясь к рецензируемой книге, хочется отметить, что идеи, высказанные Г. Асатрянном в отношении Ирана, могут оказаться очень продуктивными для этнологического изучения не только этой страны, но и других евразийских "империй", прежде всего Российской Федерации.